

дай го цзи гуан си = Современные международные отношения. – 2010. – № 6 – С. 45–49. (на кит. яз.).

18. Чжун мэнь циан шу юй хао хэ цзо гуан си тяо = Китай и Монголия подписали договор о дружбе и сотрудничестве [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. – Режим доступа: <https://cn.govopendata.com/renminribao/1994/4/30/6/>. – Дата доступа: 12.07.2020. (на кит. яз.)

(Дата подачи: 15.02.2021 г.)

Е. С. Ушакова

Республиканский институт высшей школы, Минск

E. Ushakova

National Institute of Higher Education, Minsk

УДК 930(47:316.344.42)«18/19»

УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION IN THE POLISH LANDS AT THE END OF THE XVIII AND THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

В статье проанализирована деятельность учреждений высшего образования в конце XVIII – первой половине XIX в. на польских этнических землях. В конце XVIII в. осуществляются фундаментальные реформы и создаются университетские институты совершенно нового типа (Польша, Пруссия, Австрия, Франция, Россия). Автора особо интересуют особенности образовательной системы и программы обучения, учебные практики и такие проблемы, как правовой статус студентов и профессоров университетов на польских землях, взаимоотношения студенчества с профессорской корпорацией. Прослеживаются локальные особенности социальной истории польских университетов, проявившиеся в 1800–1850-х гг. Выявлены факты преподавательской деятельности в данных учреждениях образования уроженцев белорусских земель.

Ключевые слова: польские земли; Российская империя; Варшавский университет; профессор Варшавского университета; XIX век; научная элита; Ягеллонский университет; Эдукационная комиссия; университетская реформа.

The article analyzes the activity of higher education institutions in the late XVIII – first half of the XIX century in the Polish ethnic lands. At the end of the 18th century fundamental reforms were implemented and university institutions of a completely new type were created (Poland, Prussia, Austria, France, Russia). The author is particularly interested in peculiarities of the educational system and curricula, teaching practices and such problems as legal status of students and professors of universities in Polish lands, relations of students with the professorial corporation. There are traced local peculiarities of social history of Polish universities which

showed up in 1800–1850. The facts of teaching activity in these educational institutions of natives of the Belarusian regions are revealed.

Keywords: Polish lands; Russian Empire; University of Warsaw, professor of the University of Warsaw; 19th century; scientific elite; Jagiellonian University; Edukatsiya commission; university reform.

Целью данного исследования является анализ трансформации инфраструктуры высшего образования на польских этнических землях в конце XVIII – первой половине XIX в. Важным периодом в эволюции университетов в Европе в целом стало начало XIX в., когда в Европе завершался процесс перехода к университету современного типа. Польские земли в это время также стали ареной значительных политических трансформаций. В этой связи исследование специфики возникновения и развития университетов на польских землях может способствовать не только расширению знания об истории высшего образования в Восточной Европе, но также способствовать лучшему пониманию общественных и национальных функций, выполняемых университетами и высшими школами.

«Долгий XIX век» для Восточной Европы начался с разделов Речи Посполитой, и именно эти события более чем на столетие определили условия и параметры существования народов в составе «великих европейских империй» – Российской, Австро-Венгерской и Германской [5, с. 4]. По первому разделу к Пруссии отошли районы Королевской Пруссии (за исключением Торуня и Гданьска) и районы следующих воеводств: Мальборское, Поморское, Хэлмнское, Вармия, а также их части: Бжег-Куявское, Познаньское, Гнезненское. К Австрии отошли часть Сандомирского и Краковского воеводств (т. е. земли южнее Вислы), часть Волинского, Подольского воеводств и практически все воеводство Бельское. Радикализации планов польского населения способствовали идеи Французской революции и Американской войны за независимость. В январе 1793 г. Пруссия и Россия подписали конвенцию о Втором разделе, по которому к Пруссии перешли территории, населенные этническими поляками: города Гданьск, Торунь, Познань, Гнезно, частично Познаньское, Бжег-Куявское, Гнезненское, Добжинское, Серадское, Калишское, Плоцкое воеводства с миллионом жителей. К концу 1795 г., после довольно напряженных дипломатических переговоров, Россия, Австрия и Пруссия окончательно поделили Речь Посполитую. По третьему разделу Пруссии досталось около 1 млн населения (часть Мазовецкого воеводства с Варшавой, часть территории Великого княжества Литовского до реки Неман), а Австрии – 1,5 млн (остальная часть воеводства с Краковом, районы Малой Польши, Люблинская область, Подлясье и часть Мазовецкого воеводства). Стоит отметить, что по итогам трех разделов Россия не включила в свой состав земли, населенные этническими поляками.

В Восточной Европе возникла принципиально новая геополитическая ситуация. Империи Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов теперь не-

посредственно граничили друг с другом, а общее «дело» стало фактором, во многом определявшим взаимоотношения трех империй вплоть до их краха в результате Первой мировой войны [3, с. 7]. Наполеоновские войны и создание в 1807 г. Герцогства Варшавского не реализовали надежды поляков на радикальные изменения в этой части Европы. На Венском конгрессе держав, победивших Наполеона (1814–1815 гг.), было создано Королевство (или Царство) Польское в составе России, что принципиально изменило ситуацию на западных окраинах этой империи. Также решениями Венского конгресса Краков с прилегающей к нему территорией был объявлен «вольным и строго нейтральным городом», он находился под непосредственным покровительством трех государств: России, Австрии и Пруссии. Формально это мини-государство было создано 18 октября 1815 г. как конституционная республика, руководствующаяся Кодексом Наполеона и собственной конституцией. В феврале 1846 г. Краков после неудачного восстания был лишен своей независимости, его территория 16 ноября 1846 г. была присоединена к Австрийской империи, в составе которой он был до ноября 1918 г.

Таким образом, под польскими землями в данной статье мы понимаем территории, которые были заселены этническими поляками, но входили в обозначенные нами хронологические рамки в состав разных государств.

В свою очередь рубеж XVIII и XIX вв. был поворотным моментом не только в политической истории, но и в истории высшего образования. Так, в конце XVIII в. в Европе осуществлялись фундаментальные реформы и создавались университеты совершенно нового типа.

Учебные заведения включались в государственную систему народного просвещения. Государство становилось гарантом правовой и финансовой стабилизации за счет подчинения учебных заведений надзору государственной власти, модернизации структур и процесса обучения, превращения профессорских объединений в группы экспертов и включение их в той или иной форме в состав государственного аппарата. Программы образования начинают учитывать философские предпосылки, развитие науки, новые отрасли знания, приспособляются к нуждам современных обществ и государственного управления. Происходит дифференциация типов учебных заведений в высшем образовании, осуществляются попытки превращения университета в государственно-чиновничий институт, строго подчиненный администрации и государственной власти. Высшая школа реорганизуется, дополняя традиционные структуры элементами новых решений в сфере организации и содержания системы обучения, управления и государственного надзора [6, с. 453].

Реформы и развитие университетов на польских землях на рубеже XVIII и XIX вв. проводились в первую очередь с целью обеспечения средних школ учителями. Это было обусловлено модернизацией системы обучения, материальной и научной базы, которая могла быть проведена только при финансовой поддержке государства. Эта помощь вынудила университеты

признать надзор государства, приоритет воспитательных задач над научно-исследовательскими и принять определенные административно-контрольные функции по отношению к системе среднего образования [15, s. 69].

Сформированная в Речи Посполитой система высшего образования в 1783 г. была закреплена в собрании законодательных положений, охватывающих совокупность научных и учебных проблем, вопросов управления и организации школ всех уровней, профессиональной практики учителей и профессоров университета под названием «Ustawy Komisji Edukacji Narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczypospolitej przepisane» («Постановления Комиссии Народного Просвещения (далее – КНП), предписанные академическому сословию и школам во владениях Речи Посполитой»). Эти нормативные акты способствовали дальнейшим эволюционным преобразованиям институтов и теоретическим изысканиям о системе высшего образования, которые осуществляли Гуго Коллонтай, Станислав Сташиц, Войцех Швейковский, Станислав Потоцкий, Бронислав Трентовский [13, s. 80]. Школьная и университетская реформы пробудили потребности в просвещении и оживили интерес к высшему образованию у разных групп общества. Уже после разделов Речи Посполитой это нашло выражение в дифференциации институтов высшего образования и научной жизни накануне восстания 1830 г. [20, s. 346].

В качестве учебных заведений для польской молодежи накануне третьего раздела Речи Посполитой действовали модернизированные КНП «старый университет» (в Кракове) и первая высшая сельскохозяйственная школа в Маримонте под Варшавой (сегодня это Государственный университет сельского хозяйства в Варшаве (Szkoła Główna Gospodarstwa Wiejskiego SGGW)). Надо отметить, что это самый старый университет сельскохозяйственного направления в Польше и четвертый в Европе. В 1816 г. он получил название Агрономический институт, в нем будут обучать будущих экономов и управленцев, а также сыновей землевладельцев. Среди основателей SGGW были Станислав Сташиц и Станислав Потоцкий. В 1840 г. к институту была присоединена Варшавская лесная школа, после чего учебное заведение получило наименование «Институт сельского хозяйства и лесоводства». Далее, в 1826 г., в Варшаве был основан Политехнический институт (такие же были открыты в Кракове и Познани), а Академия в Варшаве «Scientiarum et Artium» была преобразована в 1816 г. в Варшавский Королевский университет. Отметим, что преобразования с 1816 г. осуществлялись Правительственной комиссией по вопросам религии и государственного образования в Царстве Польском, входившем в состав Российской империи.

Вопрос создания новой модели университета в Польше во времена деятельности КНП выходит далеко за рамки польских университетов и является частью истории европейских университетов. Акты КНП были образцом для проекта закона о прусской школе в 1801 г. и прусской школьной реформы

XIX в. [8, с. 42]. В начале XIX в. польские идеи также повлияли на университетскую систему и в России, особенно в организации структуры системы образования и места в ней университетов. В 1803–1804 гг. императором Александром I была проведена реформа народного образования, результатом которой явилось одновременное создание уже целой группы университетов на территории Российской империи. Шесть императорских университетов (Московский, Казанский, Харьковский, Санкт-Петербургский, Дерптский, Виленский, Варшавский) представляли собой высшую ступень учебных заведений России, они управляли школами низших ступеней (гимназиями, уездными училищами) [1, с. 9]. В начале XIX в. принятые законы регулировали статус и внутреннюю организацию университетов в Российской империи; которые, в свою очередь, были отданы в 1802 г. под контроль Министерства народного просвещения. Все это позволяет говорить о появлении в Российской империи с начала XIX в. осознанной государственной политики в области университетского образования, продуктом которой стало формирование системы российских университетов.

Университет в Варшаве был создан в 1816 г. по указу императора Александра I. На этом основании некоторые историки причисляют его к семье российских университетов с самого начала его существования. Однако как и университеты в Вильно и Дерпте, он имел особый устав и в принципиальных вопросах своего устройства обладал особым правовым статусом, выходящим за рамки российского законодательства. По языку обучения, национальной принадлежности подавляющего большинства профессоров и студентов он был польским университетом. Согласно уставу Императорского Варшавского Королевского университета от 17 (19) ноября 1816 г., эта высшая школа состояла из пяти факультетов: богословского, права и управления, медицинского, философского, науки и искусства. Каждый факультет управлялся деканом, на кафедрах преподавали профессора и преподаватели [14, с. 37]. Согласно уставу Университета, в разделе III «Профессора и другие ученые» выделялись постоянные профессора, временные профессора, внештатные профессора или динары, лекторы и учителя, а также преподаватели, которые могли быть заняты на курсах. Лекторы, магистранты и докторанты, которые имели право преподавать в государственных учреждениях, могли с согласия Правительственной комиссии по вопросам религии и государственного образования, взимать плату со студентов по частному соглашению и предоставлять любые академические услуги, соответствующие их академической степени [4, с. 23].

Условия работы и время работы также были прописаны в уставе университета: преподаватели и учителя проводили лекции согласно расписанию в объеме указанного количества часов. Отдельная статья устава посвящена временным профессорам и преподавателям: так, если они имели равные способности и заслуги по сравнению с другими кандидатами, то они полу-

чали приоритет в получении постоянных должностей. Назначение на должности профессоров, лекторов и преподавателей университета рассматривал Совет университета, он же давал свои рекомендации Комиссии по вопросам религии и государственного образования. Назначением профессоров и советников из числа постоянных профессоров занималась правительственная комиссия по рекомендации университетского Совета. Ежегодно все профессора университета в последний день июля представляли своему декану наброски своих будущих лекций. В уставе также было уделено внимание студентам, где говорилось о необходимости избегать с их стороны любых утверждений, которые были бы оскорбительны для религии, морали или правительства [14, s. 47].

Стоит отметить, что учреждения высшего образования на польских землях в конце XVIII – первой половине XIX в. были интересны и уроженцам белорусских земель в силу общего языкового и культурного пространства бывшей Речи Посполитой, однако массового наплыва студентов из «кресов» в Варшаву или Краков не наблюдалось, пока действовал Виленский университет. Схожая ситуация наблюдалась и с преподавательскими кадрами. В Варшавском университете нами выявлено только несколько преподавателей и сотрудников, которые имели происхождение с территории современной Беларуси. Это Быховец Юзеф Владислав (1778–1845), уроженец Слонимского повета, который в 1816 г. претендовал на кафедру философии Варшавской главной школы и был известен переводами И. Канта на польский язык; Лукаш Голембовский, уроженец Пинщины, член Варшавского общества друзей наук, этнограф, переводчик, до момента закрытия университета в 1830 г. он был библиотекарем университетской библиотеки, преподавал курс библиографии, позднее написал «Историю Польши» в трех томах на польском языке (1846–1848); Павлович Мартин Антоний (1789–1830), уроженец мест. Логишин Пинского повета, который получил образование в университете Вильно, с 1817 г. устроился Варшавском университете лаборантом минералогического кабинета, затем стал его заведующим и профессором. Полагаем, что изыскания в данном направлении еще можно продолжать, что позволит выявить новые имена, важные для понимания культурных связей белорусских и польских земель в исторической ретроспективе.

До первого раздела в Речи Посполитой ученые степени можно было получить в университетах и академиях Кракова, Вильно и Замостья. Академия иезуитов во Львове также имела университетские амбиции, но не имела права присваивать докторские степени [9, s. 23]. В то же время правительством рассматривались проекты создания совершенно новых университетов, например, в Познани, Люблине, Остроге и Варшаве [2, s. 28]. Высшие учебные заведения необходимы были для подготовки кадров в различных областях, требующих специализированной и профессиональной подготов-

ки, например, в области судебной системы, армии, медицины и т. д. [11, s. 136]. В середине XVIII в. материальное и академическое положение даже существующих учреждений было не очень стабильным, прежде всего оно было обусловлено нехваткой средств для расширения сферы образования, создания новых кафедр, пополнения научных и библиотечных фондов.

Еще до разделов идея создания Академии наук и искусств в Варшаве была отложена на неопределенное время, но создание университета в Познани серьезно обсуждалось. Так, бывший иезуит Юзеф Рогалинский был назначен ректором Великопольской академии (Познаньской иезуитской коллегии) и даже начал собирать профессорский состав. К КНП была направлена делегация с просьбой о финансовой поддержке для возобновления преподавания медицины, создания ботанического сада, создания кафедры физики, строительства астрономической обсерватории и модернизации учебных программ. Взамен Академия обязалась предоставить 120 учителей, организовать семинар для 100 учащихся, а также осуществлять контроль за программой по униформе и преподаванием в школах. Тем не менее, около 1780 г. этот проект также перестал быть актуальным [9, s. 39; 20, s. 154].

Древний Ягеллонский университет во второй половине XVIII в. использовал свои традиции и потенциал учреждения в работе по реформированию системы образования. Работа Г. Коллонтая и ход реформы представляли собой своего рода эксперимент, когда финансировались развитие инфраструктуры и научного оборудования, академические поездки молодых профессоров за границу и их трудоустройство в университете, трудоустройство видных иностранцев на кафедрах, таких как Ян Эммануэль Жилибер [12, s. 61]. Университет был включен в структуру системы образования, помимо выполнения типичных функций традиционных университетов и подготовки учителей, стал звеном школьного управления и контроля.

Необходимость повышения академического уровня преподавателей и уровня образования повлекли за собой структурные и организационные изменения в университетах. Следующим шагом изменений в университете было приведение в порядок финансовой отчетности, подготовка и строительство необходимых зданий (в том числе общежитий), организация семинаров для преподавателей, проведение конкурсов на кафедрах. Гуго Коллонтай при поддержке некоторых профессоров Ягеллонского университета представил отчеты о своей работе. Итоги этих докладов легли в основу концепции по реформированию Ягеллонского университета во второй половине XVIII в. [12, s. 77].

Важнейшей функцией университетов должно быть «предоставление молодым людям высшего профессионального образования, подготовка их к выполнению ответственных социальных функций», таких как преподаватель, врач, адвокат и др. По мнению Гуго Коллонтая, университеты должны быть организованы так, чтобы молодым людям не приходилось выезжать

на учебу за границу [17]. Необходимо предоставить возможность молодежи специализироваться в конкретных областях знаний и самореализовываться. Взаимоотношения между преподавателями школ и профессорами высших учебных заведений были пояснены в первой главе Законопроекта 1781 г. [10, s. 458].

Реформа польских университетов стала неотъемлемой частью общей реформы польского образования и внесла значительный вклад в его успех. Польская концепция университета соответствовала направлению развития европейских университетов, а принципы реформы, были обобщены и закреплены в правовых нормах и законах Комиссии народного просвещения [18, s. 46]. В соответствии с европейской тенденцией необходимо было сделать университетское образование научным и профессиональным [7, s. 479]. Наиболее оригинальной особенностью польской концепции университета было включение академических преподавателей и учителей средних школ в одну профессиональную корпорацию, что обеспечило им значительный спектр свобод и привилегий, а также самоуправление и юридически гарантированные свободы. В высшей степени «утилитарный» подход в этой концепции заключался в том, чтобы связать университеты со средними школами, что послужило бы повышению уровня среднего образования и требований к университетам. Цели, поставленные перед университетской реформой Комиссией народного просвещения, способствовали подготовке специалистов и поднятию научного уровня профессоров [19, s. 378].

Таким образом, реформы и развитие университетов в Польше на рубеже XVIII и XIX вв. проводились в первую очередь с мыслью об обеспечении средних школ кадрами учителей. Это обусловило модернизацию системы обучения, материальной и научной базы, которая могла произойти только при финансовой поддержке государства [16, s. 193]. Многие принципы сохранили свою актуальность и в первой половине XIX в., когда значительная часть польских земель входила в состав Российской империи. В качестве учебных заведений для молодежи на польских землях в это время действовали Ягеллонский университет, Варшавский Королевский университет, Высшая сельскохозяйственная школа в Маримонте под Варшавой и с 1826 г. – Политехнический институт в Варшаве.

Учреждения образования на польских землях в конце XVIII – первой половине XIX в. способствовали распространению идеи восстановления польской государственности (одновременно выполняя свою прямую задачу – подготовку высококвалифицированных кадров), что и показало участие студентов и профессоров в ноябрьском восстании 1830 г. в Варшавском университете. В этой связи важно понимать, что успех либо затруднения в реализации тех либо иных национальных идей зависели еще и от того, носителями какой конкретной идентичности были представители социальной группы, так как на их собственную идентичность влияли разные факторы, особенно в условиях «долгого XIX века».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Андреев, А. Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы / А. Ю. Андреев. – М.: Знак, 2009. – 640 с.
2. *Андреев, А. Ю.* Университет в Российской империи XVIII – первой половине XX века / А. Ю. Андреев; под общ. ред. С. И. Посохова. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. – 671 с.
3. *Бережная, Л. А.* Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная; под ред. А. И. Миллера. – М.: Новое лит. обозрение, 2006. – 608 с.
4. *Иванов, А. Е.* Ученые степени в Российской империи. XVII в. – 1917 г. / А. Е. Иванов. – М.: ИРИ РАН, 1994. – 200 с.
5. *Шимукович, С. Ф.* Белорусские региональные элиты периода «долгого XIX века» как предмет исторического исследования: обоснование понятия / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 1. – С. 3–12.
6. Akademia nauk. Uniwersytety. Organizacje nauki: Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w. / L. Zasztowt [i in.]; red. L. Zasztowt. – Warszawa: Aspra. – 2013. – 756 s.
7. *Askenazy, Sz.* Uniwersytet Warszawski [Электронный ресурс] / Sz. Askenazy. – Warszawa, 1905. – 62 s. – Режим доступа: <https://kpbc.umk.pl/dlibra/publication/792/edition/734>. – Дата доступа: 20.02.21.
8. *Bartnicka, K.* Rozprawy o historii uniwersytetach edukacji i wychowaniu / K. Bartnicka. – Wrocław: CHRONICON, 2018. – 483 s.
9. *Bartnicka, K.* Uniwersytety europejskie na przełomie XVIII i XIX wieku / K. Bartnicka // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. – 2015. – № 1. – S. 17–54.
10. *Bieliński, J.* Królewski Uniwersytet Warszawski 1816–1831 / J. Bieliński. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1907–1912. – Т. 13. – 783 s.
11. *Borowski, S.* Szkoła Główna Warszawska 1862–1869. Wydział Prawa i Administracji / S. Borowski. – Warszawa: Kasy im. Mianowskiego-Institut Popierania Nauki. – 1937. – 420 s.
12. *Czermak, W.* Uniwersytet Jagielloński w czterech ostatnich wiekach [Электронный ресурс]. / W. Czermak. – Krakow, 1900. – 87 s. – Режим доступа: <https://kpbc.umk.pl/dlibra/publication/1576/edition/5775/content>. – Дата доступа: 20.02.21.
13. *Majchrowicz, F.* Wielka reforma szkolna ks. Stanisława Konarskiego i Komisji Edukacji Narodowej: w setną pięćdziesiątą rocznicę zgonu i ustanowienia Komisji Edukacji Narodowej [Электронный ресурс] / F. Majchrowicz. – Lwów, 1923. – 80 s. – Режим доступа: <https://kpbc.umk.pl/dlibra/publication/815/edition/2756>. – Дата доступа 20.02.2021.
14. *Miziołek, J.* Uniwersytet Warszawski–dzieje i tradycja [Электронный ресурс] / J. Miziołek. – Warszawa: wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005. – 335 s. – Режим доступа: <https://kpbc.umk.pl/dlibra/publication/792/edition/734/content>. – Дата доступа: 20.02.21.
15. *Mycielski, M.* Uniwersytet Królewski 1816– 1831 / M. Mycielski // Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915 / Red. T. Kizwalter. – Warszawa, 2016. – S. 53–362.

16. *Poznański, K.* Oświata i szkolnictwo w Królestwie Polskim 1831–1869. Lata zmagania i nadziei, Polityka oświatowa w latach 1834–1861 / K. Poznański. – Warszawa: Akademia Pedagogiki Specjalnej im. Marii Grzegorzewskiej, 2004. – Т. 3. – 303 s.

17. Rocznik Towarzystwa Naukowego Krakowskiego z Uniwersytetem Jagiellońskim Połączonego [Электронный ресурс]. – Kraków: Tow. Naukowe Krakowskie z Uniwersytetem Jagiellońskim Połączone. – 1847. – Т. 3. – Режим доступа: <https://pbc.gda.pl/dlibra/docmetadata?id=18550>. – Дата доступа: 20.02.2021.

18. *Schiller-Walicka, J.* Universitas rossica. Koncepcja rosyjskiego uniwersytetu 1863–1917 / J. Schiller-Walicka. – Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN, Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2008. – 709 s.

19. *Szwarc, A.* Warszawa bez uniwersytetu 1831–1857 / A. Szwarc // Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915 / Red. T. Kizwalter. – Warszawa, 2016. – S. 363–414.

20. *Winiarz, A.* Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831) / A. Winiarz. – Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. – 586 s.1

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

A. A. Филиппов

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

A. Filipau

Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 94

ИРАКСКАЯ КАМПАНИЯ МАМЛЮКОВ 1261 Г.: ЦЕЛИ И ИТОГИ

THE IRAQI CAMPAIGN OF THE MAMLUKS IN 1261: GOALS AND RESULTS

В статье рассматривается один из эпизодов в процессе становления власти малика аз-Захира Бейбарса (1260–1277) и формирования раннебахритского мамлюкского государства. Данный эпизод связан с иракской кампанией 1261 г., в ходе которой была сделана попытка восстановить Аббасидский халифат со столицей в Багдаде. В историографии до сих пор нет единого мнения о реальных целях султана Бейбарса. В статье подробно рассматриваются обстоятельства, при которых была организована и проведена кампания. Делается вывод, что султан Бейбарс, хотя и рассчитывал на восстановление халифата в Багдаде, не собирался удерживать территорию Ирака.

Ключевые слова: мамлюки; Египет; Бейбарс; халифат; Ирак.

The article considers one of the episodes in the process of the malik al-Zahir Baybars's (1260–1277) rise to power, as well as in formation of the Early Bahrite Mamluk State. This episode is related to the Iraqi campaign of 1261, when an attempt to restore the Abbasids